

УДК 330.341

Давыдова Вера Николаевна, доцент, к.э.н.,
Кусургашева Людмила Васильевна, профессор, д.э.н.
(КузГТУ, г. Кемерово)

Davydova Vera, Associate Professor, Candidate of Economic Sciences,
Kusurgasheva Ludmila Professor, Doctor of Economics Sciences
(KuzSTU, Kemerovo)

**КАКАЯ ТЕОРИЯ НЕОБХОДИМА ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ
СТАГНАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ РЕГИОНОВ?****WHAT IS THEORY NEEDED TO OVERCOME THE STAGNATION OF
THE RUSSIAN ECONOMY AND ITS REGIONS?****Аннотация**

В статье показаны причины стагнации российской экономики и неадекватность западных теорий для поиска путей ее преодоления. В качестве теории, адекватно учитывающей новую экономическую реальность, способной стать основой выработки политики неоиндустриализации, рассматривается гипотеза закономерности смены мирохозяйственных укладов.

Abstract

The article shows the reasons for the stagnation of the Russian economy and the inadequacy of Western theories used for finding ways to overcome it. As a theory, which takes into consideration the new economic reality adequately and which can become the basis for the elaboration of the policy of neo-industrialization, the hypothesis of the pattern of change in the world economic structures is considered.

После глобального финансово-экономического кризиса 2008-2009 годов для мировой экономики наступила «новая нормальность» – долгосрочная тенденция укоренения в экономике посткризисных негативных явлений или «новых норм» (сочетание подавленного экономического роста с высокой безработицей, высокая задолженность всех хозяйствующих субъектов, высокая волатильность рынков и т.д.). По мнению Д. Медведева, «новые нормы» – «это те ключевые характеристики, которые будут определять развитие глобальной экономики на протяжении предстоящего периода – по сути, до следующего крупного, структурного кризиса» [1, с. 8]. И, если мировая экономика, по прогнозам специалистов, в 2018 году перейдет к полномасштабному росту (прогнозируются 3,7–3,8%) [2, с. 12], то российская экономика «опять не в тренде»: ее рост останется на уровне 2017 года (таблица 1).

Таблица 1 – Рост ВВП, % [3].

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Россия	5,2	-7,8	4,5	5,3	3,7	1,8	0,7	-2,8	-0,2	1,5
Мировая экономика	1,8	-1,7	4,3	3,2	2,5	2,6	2,9	2,9	2,5	3,2

Исходя из этого, многие экономисты констатируют стагнацию российской экономики, продолжающуюся последние десять лет, в течение которых среднегодовые темпы роста составили 1,2%. В научном сообществе отсутствует консенсус относительно конкретных мер, которые могут привести к слоому негативных тенденций в развитии российской экономики. Либеральные экономисты выступают за проведение институциональных реформ (называя их «структурными»), по-прежнему уповая на «невидимую руку рынка» и доказывая необходимость обеспечения долгосрочной бюджетной устойчивости (бюджетной консолидации) путем сокращения и совершенствования структуры государственных расходов, повышения пенсионного возраста [4], расширения доступа для иностранных инвесторов, приватизации [5] и т.п. Отечественные критики неолИБЕРАЛИЗМА выступают за политику активного государственного регулирования, в основе которой должно лежать стратегическое планирование. Академик С. Ю. Глазьев, выступая на Московском экономическом форуме, отметил, что в сложившихся условиях необходим переход к стратегии опережающего развития, включающей четыре элемента:

- опережающий рост нового технологического уклада, ядро которой составляет нано-, биоинженерные и информационно-коммуникационные технологии;
- динамическое наверстывание – переход на передовой технический уровень там, где нам хватает потенциала (аэрокосмос, оборонка, атомная энергетика и т.д.),
- стратегия догоняющего развития на основе прямых иностранных инвестиций – там, где мы застряли безнадежно,
- повышение добавленной стоимости за счет углубления переработки сырья (сырьевая промышленность, которая у нас наиболее сильно развита) [6].

Очевидно, что вопрос о стратегии долгосрочного развития, также как и о конкретных мерах вывода российской экономики из стагнации, должен опираться на определенную экономическую теорию, которая, как известно, является научной основой выработки и проведения экономической политики, даже если последняя базируется на постулате о «минималистском государстве». Однако, современная экономическая теория представлена множеством различных школ и направлений, для которых существенны не только различия предметных областей, используемых методов, философ-

ских и идейных предпосылок, но и принципиально различный подход к практике государственного регулирования экономики. С этой точки зрения, начиная с 30-х годов XX века и до сих пор, конкурируют две исследовательские программы – неоклассическое направление, занимающее в современной экономической теории господствующее положение, и кейнсианство, актуальность которого была продемонстрирована Великой рецессией (глобальным финансово-экономическим кризисом 2008-2009 годов).

Специалисты отмечают, что «и в США, и в государствах еврозоны фискальная политика в ходе Великой рецессии включала стимулирующую (традиционно кейнсианскую) и консолидационную (антикейнсианскую) стадии» (в указанной последовательности) [7, с. 110]. При этом отказ от кейнсианской политики и переход к фискальной консолидации расценивается как преждевременный шаг, способствовавший сохранению устойчивого отрицательного разрыва выпуска и высокого уровня безработицы [там же, с. 110]. Очевидно, что этот отказ не был обусловлен чисто экономическими причинами: смена господствующей парадигмы в теории и на практике обусловлена многими факторами, среди которых не последнее место занимают политико-экономические, а именно – идеология.

Представляется, что это верно и для российской экономики: выбор либерально-монетаристского курса на начальном этапе рыночных преобразований и проведение политики макроэкономической стабилизации на основе неоклассических постулатов в дальнейшем диктовались политико-идеологическими факторами. Результат – деиндустриализация производительных сил и экспортно-сырьевая модель развития, которые и явились основными причинами стагнации российской экономики. Отсюда следует закономерный вывод о смене стратегии и, соответственно, теоретических основ развития российской экономической модели. С этой точки зрения правомерным выглядит обращение российских экономистов к теории Дж. М. Кейнса, который заслуженно считается не только основоположником нового раздела (макроэкономика) и нового направления (кейнсианство) в экономической теории, но и «творцом» смешанной экономики, где государство наряду с рынком является равноправным регулятором экономической системы.

Положение Кейнса о том, что рыночная экономика, предоставленная самой себе, не в состоянии обеспечить полное и эффективное использование всех ресурсов, а потому нуждается в государственном регулировании, является основополагающей идеей, сохраняющей свое теоретическое и практическое значение для любой экономической системы на современном этапе развития.

Еще одно положение, которое носит фундаментальный характер и относится, скорее, к области методологии, но в то же время имеет практическое значение, выражено в следующих словах Кейнса: «Цель нашего анализа отнюдь не в том, чтобы создать такую механику или такую шаб-

лонную схему операций, которая автоматически выдавала бы безошибочный ответ, а в том, чтобы обеспечить себя методом для систематического и планомерного изучения ряда проблем» [8, с. 278]. В другом месте Кейнс пишет, что экономические «догмы» – «это не само воплощение конкретной истины, а лишь механизм для открытия конкретной истины» [9, с. 29]. Кейнс исходил из того, что экономическая наука в силу изменчивости и непредсказуемости хозяйственной среды, а также в силу того, что большинство экономических переменных связано между собой множеством нелинейных взаимосвязей, не может претендовать на точность, которая, по общему мнению, обеспечивается применением формализованных методов количественного анализа. В этом смысле Кейнса считают последователем Маршалла, который, как известно, предостерегал против чрезмерного доверия к математике в экономической теории. «Общность взглядов Маршалла и Кейнса на математику объясняется тем, что их представления об экономической науке были особыми и радикально отличались от воззрений большинства современных экономистов. Сегодня «теоретизировать» означает дедуктивно выводить свойства модели из заранее заданного набора примитивных постулатов о вкусах и технологии. «Теория» и «модель» считаются синонимами. Маршалл и Кейнс, напротив, склонялись к философскому реализму» [10, с. 43]. Можно сделать вывод, что «философский реализм» Кейнса, заключался в том, что он не считал экономическую теорию «точной» наукой, призванной дать рекомендации бизнесменам, государству или отдельному индивиду. Экономическая теория, по Кейнсу, – это всего лишь определенный метод анализа конкретных практических проблем.

Таким образом, при ответе на вопрос: какая теория необходима для вывода российской экономики из стагнации? – необходимо исходить из того, что современная экономическая наука не только представлена множеством различных теорий, но и оказалась разделенной на «чистую» и прикладную теорию. То, что сегодня называют мейстримом в своей основной части – это и есть «чистая» наука, в рамках которой проводится сложный математический анализ равновесных состояний экономики, абстрактных и оторванных от реальной практики. Это во-первых. Во-вторых, осознание существующего разрыва между ортодоксальной экономической теорией и практикой, а также методологические традиции, заложенные в рамках классической школы, послужили тем фоном, на котором произошло возникновение кейнсианской теории. Можно утверждать, что Кейнс заложил основы современной прикладной экономики. Под прикладной экономикой понимают «... такие исследования и знания, которые обеспечивают увязку теоретически обобщенного знания самого разного уровня с конкретными условиями места и времени, в которых осуществляется практическая деятельность: готовятся и принимаются экономико-политические решения, хозяйственно-правовые акты, бизнес-планы и коммерческие кон-

тракты» [11, с. 24]. В–третьих, поскольку между «чистой» теорией и реальной практикой находится прикладная экономика, то нет и не может быть единых для всех стран и на все времена практических рекомендаций по проведению экономической политики, и в этом смысле по отношению к России неадекватными следует признать не только кейнсианские, но и всякие другие меры.

Формирование рынка в конкретной стране происходит в конкретно-исторических внешних и внутренних условиях, что требует учета особенностей соответствующего этапа развития мировой и национальной экономик.

Именно с этих позиций – необходимости учета особенностей современного этапа развития – можно сказать, что на настоящий момент такая теория начинает формироваться. Речь идет о гипотезе закономерности периодической смены мирохозяйственных укладов, выдвинутой академиком С. Ю. Глазьевым [12]. Мирохозяйственный уклад определяется им как «... система взаимосвязанных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство капитала и определяющих механизм глобальных экономических отношений» [там же, с. 5]. Суть гипотезы состоит в идее о «чередовании длительных периодов устойчивого роста (когда существующая система институтов благоприятствует расширенному воспроизводству мировой экономики) и турбулентных периодов войн и революций (когда мировая экономика погружается в кризис и формируется новая система институтов, адекватная повысившемуся уровню развития производительных сил), в ходе которых осуществляется переход к новому мирохозяйственному укладу и формируется новый мировой порядок с новым геоэкономическим центром и геополитическим лидером» [13, с. 15]. В настоящее время мировая экономика, по Глазьеву, находится в состоянии перехода к новому мирохозяйственному укладу: от имперского (страны-лидеры – США и СССР) к интегральному (страны-лидеры – интеграционные объединения ШОС, ТАП, ЕАЭС, МЕРКОСУР). Выражением переходного состояния являются: быстрое распространение принципиально новых технологий (фаза зарождения нового, шестого технологического уклада), усиление кризисных явлений в развитии мировой экономики, финансовая турбулентность, сопровождающиеся геополитическими и экономическими изменениями [12, с. 15–16]. Следует отметить, что гипотеза смены мирохозяйственных порядков выступает продолжением и углублением концепции технологических укладов и как таковая признает принципиальную возможность для отстающих стран «догнать» и «перегнать» развитые страны в период глобальных технологических и институциональных изменений. Именно на этом положении базируется выдвигаемая автором гипотезы стратегия опережающего развития.

Как соотносится гипотеза закономерности периодической смены мирохозяйственных укладов и концепция неоиндустриализации, имеющая

большое число сторонников в отечественном научном сообществе? Как известно, наряду с термином «неоиндустриализация» широкое распространение имеют также понятия новой индустриализации и реиндустриализации. Будем исходить из того, что в современных условиях формируется глобальная тенденция «... реиндустриализации с сущностным наполнением, отличным для каждого реализующего ее в рамках проводимой промышленной политики государства» [14, с. 15–16]. Анализ потенциала реиндустриализации российской экономики показывает, что объективными факторами, оказывающими влияние на возможность ее проведения, являются: глобализация, обуславливающая (в условиях отсутствия адекватной вызовам новой эпохи стратегии развития) отставание России от развитых стран; неолиберальная экономическая политика государства, обусловившая разрушение, деградацию и стагнацию экономического потенциала; усиление геополитического вектора и санкционного режима в отношении российской экономики; стагнация российской экономики в условиях завершения цикла развития мировой экономики и перехода к новому технологическому и мирохозяйственному укладу; высокий природно-ресурсный потенциал; усиление региональных диспропорций и периферизации общероссийского пространства.

Представляется, что в этих условиях «сущностное наполнение» реиндустриализации наиболее адекватно реализуется в политике неоиндустриализации, призванной создать в России «... технотронный, высокоавтоматизированный, полностью «оцифрованный» наукоемкий способ производства» [15, с. 34], способный обеспечить экономический рост на основе инноваций, развитие человеческого потенциала, социальную справедливость и социальную ответственность. Таким образом, гипотеза закономерности периодической смены мирохозяйственных укладов, лежащая в основе стратегии опережающего развития и доведенная до конкретных мер, становится основой проведения политики неоиндустриализации, альтернативой которой может выступать только продолжение скатывания российской экономики на периферию мирового экономического пространства.

Список литературы

1. Медведев Д. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. – 2015. – № 10. – С. 5–29.
2. Россия и мир: 2018. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта: А. А. Дынкин, В. Г. Барановский ; отв. ред.: Г. И. Мачавариани, И. Я. Кобринская. – М. : ИМЭМО РАН, 2017. – 176 с.
3. DataBank. World Development Indicators [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#> (дата обращения 09.10.2018).

4. Кудрин А., Соколов И. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. – 2017. – № 9. – С. 5–27.
5. Сонин К. Стагнация сегодня и в обозримом будущем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20180205/241365885.html> (дата обращения 09.10.2018).
6. МЭФ–2018: Пленарная дискуссия I «Будущее России: вызовы, стратегии, механизмы достижения успеха» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://me-forum.ru/media/events/mef-2018-i-plenarnaya-diskussiya-budushchee-rossii/> (дата обращения 10.10.018).
7. Остапенко В. М. Между кейнсианством и антикейнсианством: результаты фискального стимулирования в период Великой рецессии // Современная российская экономика: кейнсианский вариант выхода из стагнации : сб. тез. / под ред. А. А. Пороховского, К. А. Хубиева, С. В. Кайманакова. – М. : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. – С.110–112.
8. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М. : Гелиос АРВ, 2011. – 352 с.
9. Кейнс Дж. М. Альфред Маршалл, 1842 – 1924 // Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. / ред. О. Г. Радынова. – М. : Прогресс, 1993. – 415 с.
10. Лейонхуфвуд А. Кейнс как последователь Маршалла // Вопросы экономики. 2006. № 5. С. 31–46.
11. Ананьин О. Экономика: наука и/или искусство // Вопросы экономики. – 2007. – № 11. – С. 4–24.
12. Глазьев С. Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. – 2016. – Том 52. – № 2. – С. 3–29.
13. Глазьев С. Ю. Закономерность смены мирохозяйственных укладов в развитии мировой экономической системы и связанных с ними политических изменений // Наука. Культура. Общество. – 2016. – № 3. – С. 5–45.
14. Мальцев А. А., Мерсиер-Суисса К., Мордвинова А. Э. К трактовке понятия «реиндустриализация» в условиях глобализации // Экономика региона. – 2017. – Т. 13. – Вып. 4. – С. 1044–1054.
15. Губанов С. С. Системный кризис и выбор пути развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 2 (38). – С. 23–41.